

Дин Тянь сумел убедить дядей. Решили, что сразу после Нового года отправят мальчишек в деревню семьи Ху. Там как раз работал частный класс, который держал родной дядя Дин Тяня, — у своего человека и присмотр лучше, и учиться спокойнее. Только всё уладили, как на следующий же день сам дядя пожаловал в уездный город.

— Услышал, что заезжие столичные господа наконец отбыли, вот и решился приехать. Ты-то сам как, уцелел? — Ху Вэй искренне переживал за племянника. А уж что там случилось с бывшим судьёй Ма, его совершенно не заботило.

— Всё хорошо, дядя! — Дин Тянь с улыбкой повернулся перед ним, демонстрируя себя со всех сторон. — Ваш племянник в управе, почитай, у самых важных господ с ладони ел. Сладко спал, вкусно пировал, даже бока наел!

И правда, за последнее время он заметно округлился.

Убедившись, что с племянником всё в порядке, Ху Вэй облегчённо выдохнул:

— Вот и славно. Жив-здоров — и это главное.

Дин Тянь поведал о планах дядей касательно учёбы ребят, а заодно похвастался, что обзавёлся собственным делом — теперь у него были две лавки.

Выслушав его, Ху Вэй вместо радости нешуточно рассердился:

— Ты и так простой служивый, а теперь ещё и в торговлю полез? О будущих детях подумал? Им ведь тоже учиться надо, в люди выходить! Купцам и их потомкам путь на государственные экзамены заказан — только в третьем поколении дозволяется. Посмотри на почтенного Гао: сам от лавок отказался, лишь бы выучить старшего сына и покончить с этим купеческим клеймом. А ты сам себе петлю на шею вешаешь! Решил меня в могилу свести?

— Да нет же, дядя, послушайте сначала! — взмолился Дин Тянь. — То, что лавки записаны на меня, вовсе не значит, что я сам за прилавком стоять буду. Делами заправляют тётушки. В роду Дин только моя ветвь занимала пост главного тюремщика, остальные — честные хлебопашцы. К тому же я унаследовал место отца, а он у меня — заслуженный воин, кровь проливал! Мне помощник уездного судьи Сюй сказывал, что моим внукам уже будет открыта дорога к экзаменам, так что три поколения ждать не придётся.

Об этих тонкостях закона Дин Тянь узнал пару дней назад от самого помощника уездного судьи Сюя. Тот изрядно перебрал во время застолья и выболтал лишнего. Сам Дин Тянь в таких юридических дебрях не разбирался, зато Сюй знал законы назубок. Он тогда ещё хвастливо рассуждал, мол, когда Дин Тянь обзаведётся семьёй, его сына нужно непременно отдать в учение. Даже если тот не сдаст экзамены на чин, всё равно станет уважаемым землевладельцем, а это куда почтеннее, чем прозябать в мелких писцах. Ну а внуки уже смогут метить высоко... Тогда Дин Тянь готов был сквозь землю провалиться от неловкости, но сейчас

эти хмельные откровения прилились как нельзя кстати — было чем утихомирить дядю.

— Ну ладно, раз у тебя всё продумано... — вздохнул Ху Вэй. — Смотри только, не погуби будущее детей ради сиюминутной наживы.

Дядя замечал, что после того позорного разрыва помолвки племянник сильно изменился. Стал твёрже, решительнее. Ху Вэй и сам не знал, радоваться этому или тревожиться.

Дин Тянь же, подметив, с какой настойчивостью дядя твердит о продолжении рода, внезапно догадался:

— Дядюшка, неужто тётушка... порадовала вас добрыми вестями?

— Ишь какой шустрый, всё-то тебе нужно знать! — Ху Вэй густо покраснел, но, обернувшись к старшим братьям Дин, уже с гордостью объявил: — Моя супруга в тягости.

Дин Дацзян и Дин Дахэ тут же принялись поздравлять счастливого отца. Сразу видно: человек обрёл наследника, раз заговорил о внуках!

По случаю приезда дорогого гостя в доме затеяли праздничный обед. На стол пошли лучшие припасы: сочная говядина, которую принёс Дин Тянь, превратилась в ароматное жаркое с редькой, а на рынке спешно купили жирного гуся и протушили его с картофелем. К двум сытным мясным блюдам добавили хрустящую капусту в уксусе и тарелку жаренных в масле земляных орехов. Вышло превосходное угощение, к которому подали миску нежного супа с тофу и пышущий паром белый рис. Крупы Дин Тянь тоже загодя принёс из своих запасов. Обыкновенно его домашние рис не жаловали, предпочитая лапшу или лепёшки из смеси разной муки — чистая пшеничная на их столе появлялась редко.

Простым крестьянам казалось непозволительной роскошью переводить на повседневную еду отборный рис и белую муку. Пышные пампушки пекли только для званных гостей, а в будни довольствовались ячменным хлебом, кукурузными лепёшками да пресными паровыми булочками.

После сытного ужина Ху Вэй остался ночевать. Всю ночь напролёт он проговорил с обоими дядями — судя по всему, обсуждали недавние потрясения в уездном городе.

Дин Тянь вернулся на службу. Покопавшись в своих «бездонных закромах», он отыскал четыре ощипанные, замороженные до звона тушки молодых несусек и увесистый свиной окорок. На следующее утро он вручил припасы собиравшемуся в дорогу дяде:

— Служба не отпускает, сам навестить тётушку не могу. Отвезите ей, пусть бульоны варит, силы восстанавливает.

— Спасибо, племянник, — Ху Вэй с благодарностью принял тяжёлые свёртки. — Знаю я, что в управе всегда есть чем поживиться, но ты меру знай. Молод ещё, о душе думай, греха на себя не бери. И в дела начальства поменьше лезь. Бывший уездный судья Ма — собаке собачья смерть, туда ему и дорога. Теперь за дело взялся Сюй, с ним в уезде Бычьего Рога наконец-то покой настанет.

— Понимаю, дядя, — ответил Дин Тянь, укладывая свёртки на телегу. — Возвращайтесь поскорее, тётушка с тётей Цуй наверняка заждались вас дома. Как только отпразднуем Новый год и минует первый месяц, я привезу к вам Дин Кэ и Дин И. Дин Чэн и Дин Цзи ещё совсем крохи, пускай дома побудут, а старших пора за грамоту сажать.

— Договорились. Мальчишки поживут у меня. Каждые десять дней буду давать им выходной, чтобы навещали родных, — кивнул Ху Вэй. — Сам тоже береги себя. Через пару дней передам тебе с оказией домашних пирогов да сладостей.

Проводив дядю, Дин Тянь вернулся к делам.

В управе теперь всем заправлял помощник уездного судьи. Дин Тянь отправился к нему, чтобы отметить после отлучки, и застал его в прежнем скромном флигеле.

— Господин помощник уездного судьи, отчего же вы не перебираетесь в главный дом усадьбы? — удивился Дин Тянь. — Там ведь просторно, места для всей вашей семьи с избытком хватит.

— Пока не прибудет официальный указ о назначении, я туда ни ногой, — спокойно улыбнулся Сюй. — Это жильё уездного судьи, порядок нарушать негоже. Дело раскрыто, заслуги признаны, так что награда и чин от меня никуда не денутся. К чему спешить?

— Ваша правда, — согласился Дин Тянь. — Моё дело — доложить о прибытии. Пойду я к себе, в тюремную сторожку.

— Ступай. Самый разгар зимы на носу, пора припасы на праздники готовить, — Сюй бросил взгляд на хмурое свинцовое небо за окном. — Похоже, к вечеру снег повалит.

В тюремной сторожке было тепло: пока Дин Тяня не было, заботливые сослуживцы успели протопить кан. Он подбросил в печь ещё несколько поленьев, чтобы разогнать скопившуюся сырость, и с удовольствием растянулся на горячей лежанке.

Немного передохнув, он поднялся и принялся за уборку. Столичные конвоиры уехали спешно, забрав лишь арестантов, а кучу скопившегося барахла бросили прямо здесь.

Разбирая оставленные вещи, Дин Тянь наткнулся на шкатулку с украшениями — там были безделушки и мужские, и женские. Самому ему золото носить незачем, поэтому он решил выбрать подарки для родни. Из кучи драгоценностей он выудил массивные золотые браслеты,

бережно завернул их в кусок красного шёлка и спрятал в расшитый мешочек — это станет славным подношением тётушке в честь будущих родов.

Затем он отыскал массивный серебряный замок-оберег с изображением мифического цилиндра, дарующего сыновей. Такой подарок идеально подойдёт новорождённому братишке. На случай же, если родится девочка, Дин Тянь припас другой серебряный замок размером с ладонь, с пожеланием долголетия и богатства, добавив к нему крошечные браслеты для ручек и ножек.

Покончив с разбором сокровищ, он заскучал и решил приготовить ужин. Заглянув в кладовую, Дин Тянь с досадой обнаружил, что почти все готовые припасы и полуфабрикаты подошли к концу — столичные проглоты подчистили погреб на совесть. Остались лишь мешки с рисом и первосортной пшеничной мукой, а вот простые крупы кончились подчистую.

Пришлось шиковать: он сварил котелок белого риса и затушил домашнюю курицу — бройлеров в эту эпоху, увы, завезти ещё не успели. Ароматное блюдо с сушёными грибами вышло отменным. Сытно поужинав и прибрав со стола, Дин Тянь принялся подсчитывать свои сбережения.

Теперь, когда у него появились две лавки, можно было не беспокоиться о звонкой монете. Торговля зерном хоть и не приносила баснословных барышей сразу, зато была делом надёжным во все времена — кушать людям хочется всегда.

Уехав, князь Ван Цзо оставил ему богатое наследство. Помимо съестных припасов, в его распоряжении оказалась гора одежды, конфискованной у каторжников. Это тряпье Дин Тянь решил обменять на добротную поношенную одежду для будущих узников. Драгоценности же он припрятал — в уездном городке приличных ювелирных лавок всё равно не сыскать, продавать за бесценок жалко, а вот в качестве подарков они рано или поздно пригодятся. Всё ценное он сложил на дно тяжёлого сундука и задвинул в самый тёмный угол шкафа.

На следующее утро Дин Тянь явился на общую кухню, неся в руках четырёх откормленных гусей.

— А ну-ка, сварганьте к обеду жаркое с картошечкой! — весело скомандовал он.

— Ого, откуда такое богатство? — удивился новый повар.

Прежний кулинар уехал вместе со столичным конвоем, так что за плиту вернулся старый монастырский повар управы.

— Решил побаловать служивых, — улыбнулся Дин Тянь. — Столичные господа не всё доели, вот нам и перепало. Сегодня нагуляемся, а на завтра замочите лесных грибов — принесу цыплят, устроим пир!

— Вот это дело! — обрадовался повар. — Всегда знал, что наш Тянь-эр — парень щедрый, в одиночку лопать не станет.

В управе давно шептались о том, какими запасами разжился молодой тюремщик, но никто ему не завидовал. Все понимали: парень честно заслужил свою долю, угождая капризным столичным гостям. К тому же знающие люди понимали главное — Дин Тянь, по сути, спас их головы от плахи. Случись что с императорским посланником по недосмотру охраны, кара обрушилась бы на весь уезд, а не только на провинившегося судью Ма и его прихвостней-советников.

В итоге пострадали лишь три семьи, а прочие отделались лёгким испугом. Регистратор Сюй и вовсе вытянул счастливый билет, сделавшись сначала помощником судьи, а теперь и вовсе готовясь занять главное кресло уезда.

— Разве я могу иначе! — добродушно отозвался Дин Тянь.

Про себя же он рассудил здраво: держать такие припасы под подушкой — верный способ нажить врагов. Тот, кто ест в темноте, долго не протянет. Давеча, когда он нёс окорок дяде, сослуживцы так и сверлили его голодными взглядами. Не поделись он сейчас добычей — безобидное любопытство мигом переросло бы в глухую злобу. Старая истина гласит: «Не бойся малости, бойся неравенства». И в древние времена служба в казенном доме подчинялась тем же суровым законам.

Решив задобрить товарищей, он расписал меню на ближайшие дни: сегодня — гусятина, завтра — курятина, а на послезавтра пообещал выдать жирной баранины. Пускай едят, пока не кончится!

— Отлично! Сегодня у нас знатное жаркое из гуся! — гаркнул повар помощнику. — Живо неси мешок картошки и чисти поживее!

Вечером Дин Тянь уплетал за обе щеки тушёное мясо в общей столовой. Хоть картофеля не пожалели, но и птицы хватило на всех — повар добавил к принесённым тушкам пару казённых гусей. Довольные сытые стражники так и сияли.

На следующий день, выбрав время, когда в коридорах было побольше народу, Дин Тянь демонстративно пронёс на кухню ошипанных кур. Ещё через день притащил баранью тушу — как раз накануне выходного. По такому случаю повара весь вечер лепили сочные пельмени с начинкой из баранины и сладкой редьки.

Угощение возымело действие: сослуживцы вновь прониклись к нему искренним уважением.

Родня тоже не осталась в долгу. Вторая тётушка прислала ему огромный плетёный короб со сладкими паровыми булочками из клейкого теста — там было не меньше двух сотен штук. Третья тётушка порадовала целой корзиной домашних рисовых пирогов.

Эти северные лакомства разительно отличались от изнеженных южных сладостей. Их готовили из смеси просяной и кукурузной муки, отчего они отливали чистым золотом, а внутрь клали щедрую горсть сладкой фасоли. Дядя тоже прислал гостинец — плетёнку нежных рулетов из соевого теста, а беременная тётушка, несмотря на недомогание, напекла для него целую гору ячменных лепёшек.

Дин Тянь с улыбкой принимал подарки, глядя сквозь оконную слюду на кружащиеся в воздухе крупные белые хлопья.

Начался одиннадцатый лунный месяц — время, когда зима заявляет о своих правах в полную силу. Метели завывали всё яростнее, укрывая уезд тяжёлым снежным покрывалом. Настала пора долгой зимней спячки.

Дин Тянь безвылазно сидел в своей тёплой каморке, сладко спал, сытно ел и радовался жизни. В этих суровых краях «зимовать на печи» считалось делом почтенным и обязательным. В день праздника Лаба, когда на юге страны варили жидкую кашу, суровые северяне по традиции лакомились густым клейким рисом, щедро сдобренным душистым свиным салом — так, чтобы губы слипались.

А едва отгремел праздник, из самой столицы наконец-то доставили долгожданный указ с наградами.

Помощник уездного судьи Сюй официально сделался полноправным уездным судьёй. Не обделили вниманием и прочих участников того громкого дела.

Первым же указом новоиспечённый судья Сюй распорядился полностью набрать штат стражников и писарей, заполнив все пустующие места.

— Чтобы я больше не видел подобного позора! В тюрьме не должно оставаться по одному служителю, как это было с Маленьким тюремщиком Дином! — громогласно объявил он на первом же собрании.

Многие из прежних служащих тут же пошли на повышение.

Жэнь Цин сделался главным констеблем, приняв под своё начало всех сыщиков и сыскных собак уезда.

Чэн Да возглавил отряд по сбору налогов, взяв под контроль казённые амбары и налоги.

А Лю Сэнь занял место командира отряда судебных исполнителей, отвечая за порядок на заседаниях и исполнение приговоров.

Так в управе Бычьего Рога восстановился прежний порядок: отряд уголовного розыска ловил

душегубов, сотрудники отряда по сбору налогов собирали налоги, а грозные судебные исполнители стояли в суде с тяжёлыми бамбуковыми палками, готовые по первому слову судьи отсчитать удары провинившимся.

Но больше всего сослуживцы завидовали Дин Тяню.

Сам же виновник торжества, держа в руках свиток с государевой печатью, округлил глаза от изумления и пробормотал, обращаясь к уездному судье:

— Господин Сюй... Вы уверены, что здесь не закралась ошибка? Это точно мне предназначается?

<http://bllate.org/book/19387/1997496>